

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Сергей Васильевич БЕРЕЗНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

Исследование традиционных и современных погребальных и поминальных обрядов коренных народов Нижнего Амура и Сахалина позволяет не только показать их богатую духовную культуру, но и осветить этнокультурные контакты между ними, а также реконструировать отдельные моменты их этнической истории и связи с народами Восточной Азии.

Для раскрытия проблемы важное значение имеет анализ представлений коренных народов о традиционной и современной погребальной обрядности. Известно, что погребальная обрядность тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов в традиционном обществе отличалась рядом компонентов. С другой стороны, компактное проживание разных народов в местах, наиболее богатых в промысловом отношении приводили к этнокультурному взаимодействию, смешиванию верований и обрядов. Так, в марте 1992 г. в Булаве хоронили ульча П.Г. Ангина. Род Ангин связан своим формированием с нивхами. Для покойного изготовили деревянный, оббитый красной материей гроб, в форме ящика, подушечку *паня*, деревянную дощечку *сукдуже* длиной 35 см, шириной 5 см и толщиной 1 см, погребальный домик *каха хокдуни*, и модель деревянной лодочки для того, чтобы душа умершего смогла переплыть через реку в загробный мир. По мнению жителя Булавы ульча Г.В.Ангина, боковые узоры на дощечке раньше несли определенную и важную смысловую нагрузку — они обозначали счастливые и трудные годы жизни человека.

Дом покойного был обвязан белой веревкой вкруговую по периметру на высоте двух метров от земли. Этот ритуал широко распространен у амурских нивхов (Смоляк А. В. 1980, с. 177). Считалось, что если привязать дом к колу, вбитому в землю, то умерший не заберет его с собой. Покойный был одет в черный костюм и белую рубашку. На голову ему надели зимнюю шапку и клапаны завязали на подбородке. На лобной части шапки была нашита бронзовая подвеска *ачи*, символизирующая собой глаз покойного, для того чтобы он хорошо видел дорогу в загробный мир. К затылочной части шапки было пришито металлическое кольцо, к которому привязали один конец веревки, снятой с дома. Свободный конец свернули кольцами и положили под голову. На груди покойного лежали две подушечки *дэрэтаканча*. Основанием поду-

шечек служила черная шелковая ткань с узорами, сверху был нашит синий прямоугольник, а на него — меньший по размеру прямоугольник из белого меха.

Гроб с покойным доставили на кладбище на грузовой машине. Рядом с могилой развели небольшой ритуальный костер, на котором сожгли нижнее белье умершего. Затем из свежесрубленной листовенницы изготовили погребальную куколку *хака хакгду*. От ствола отрезали кусок длиной 15 см и разрубили его на две части. Верхние концы закруглили, а в середине внутренних частей вырезали небольшое углубление, в которое положили пепел от сгоревшего белья. В традиционной культуре нивхов в такое углубление помещали пепел сгоревшего тела покойного. Потом обе половинки сбили длинным гвоздем так, что торчащие концы гвоздя символизировали руки куколки. В верхнюю часть также забили небольшой гвоздь. Затем куколку одели в такую же одежду, что и на покойном. На гвоздь, изображающий голову, надели шапку *ану* с черным верхом и желтым ободком. Под нее вокруг головы подвязали *нуктэ* — имитацию волос. Горизонтальный гвоздь обмотали синими тряпочками. Куколку обрядили в ноговицы *гару* и обувь *пондо*. Туловище обмотали синей материей, имитирующей халат, и подвязали ремешком. Обряженную куколку поместили вместе с лодочкой в погребальный домик.

После того как родные попрощались с покойным, на его лицо положили синей стороной одну из подушечек *дэрэтаканча* и сверху закрыли синим шелковым покрывалом, прибитым одной стороной к головной части гроба. Веревку из-под головы покойного вытащили наружу и осторожно прибили крышку гроба гвоздями. Гроб опустили в могилу так, чтобы голова покойного пришлась к Амуру, к западу. Между стенками гроба и могилы с правой стороны сбросили всю верхнюю одежду покойного. Над гробом на шести вертикальных брусках поставили деревянный щит. Затем, подражая русскому населению, все присутствующие бросили на щит по три горсти земли. В насыпь могилы в ногах покойного поставили деревянное надгробие. В изголовье воткнули свежесрезанную ветку орешника, к которой привязали свободный конец веревочки, идущей к шапке покойного. На эту же веревочку привязали к ветке листочки табака. Под нижним концом ветки выкопали небольшую ямку, в которую при последующих поминках родственники будут накладывать пищу, лить чай и водку. После того как ветка приживется, по корням дерева угощение дойдет до души умершего. По представлениям коренных народов региона считается, что, если эта ветка приживется, значит покойный был хорошим человеком при жизни. Рядом в насыпь воткнули *сукдухе* и насыпали под нее кусочки стебельков черемши *выеси*. Между *сукдухе* и надгробием поставили погребальный домик с куколкой и лодочкой. Сын покойного подкурил сигарету и воткнул ее в отверстие *сукдухе* для угощения души покойного табаком. Таким образом нужно было угощать душу покойного в течение месяца. Именно столько времени требуется душе умершего, чтобы добраться до «промежуточного» загробного мира *алдомбули*, где она будет находиться целый год до больших поминок. Раньше у ульчей в загробный мир душу покойного провожал шаман. Он доводил душу до реки, которую она должна была переплыть на лодочке, изготовленной родственниками. Эта река, протекающая в загробном мире — одна для всех родов ульчей.

Затем на кладбище разожгли два костра: один для мертвых, другой для живых. Подобные костры разводят на похоронах и амурские нанайцы. Возле костра живых родственники стали угощать присутствующих поминальной пищей: спиртом, водкой, вином, пшенной кашей, салатом из фасоли, картофельным пюре с брусникой, талой из картофеля и рыбными пельменями. Душу

покойного угощали на костре мертвых. Для этого сплели из еловых лап венки, положили на костер и на него насыпали рис, перловку, пшено, гречку, муку, макароны, печенье, конфеты, содержимое нескольких банок мясных и рыбных консервов, кашу *баду* (рисово-пшенная каша с молоком, фасолью, растительным маслом и лесной травой *хабдага*, придающей каше неповторимый вкус), российские и китайские сигареты. Над костром поднялся огромный столб дыма вместе с которым, по представлениям ульчей, к душе покойного попадала сжигаемая пища (Березницкий, № 403, л. 100—115).

Рядом с могилой только что похороненного ульча находилось захоронение близнеца, возле которого были установлены два музыкальных бревна *удядюпу*. Комель одного обработан в виде головы медведя и направлен к Амуру. Рядом с бревном лежат палочки, которыми ударяли по бревну при проведении поминок в честь близнеца. В окрестностях п. Кольчем расположено несколько современных ульчских кладбищ: общее кладбище на северо-востоке, кладбища ульчских родов Дявгада, Хатхил, на западе. На кладбищах много испорченной посуды, и практически на каждой могиле установлена сукдухе. В некоторые сукдухе вставлены папиросы или сигареты с обгоревшими концами. Это родственники угощали души покойных табаком. Рядом с сукдухе стоят сухие веточки с нитками или веревочками, уходящими в землю. По мнению ульчей п. Кольчем, они выполняют роль своеобразных «телефонов» для связи родственников с душой покойного. На кладбище рода Дявгада к двум березам также подвешено музыкальное бревно длиной 250 см и диаметром 5 см. Рядом на земле лежат 12 палочек, которыми играют на бревне родственники во время поминок. Поминки устраивают, как и русские жители Кольчема, на родительский день. Для каждого поминок используют новые палочки, а бревно то же. Подобное бревно имеется и на общем кладбище. *Сукдухе* стоят также и на могилах нанайцев. Возле могил ульча и китайца, утонувших вместе на рыбалке, лежат их алюминиевые лодки с пробитыми топором днищами. Родственники позаботились о том, чтобы души погибших смогли ловить рыбу и на том свете. Из рассказов местных жителей следует, что семья погибшего китайца попросила односельчан устроить для него такой же похоронный обряд, как и утонувшему ульче.

Основную часть *сукдухе* на кладбищах Кольчема вырезал ульч Н.Н. Дявгада, у которого дед был китайцем, а бабка нанайкой. По его словам, раньше у каждого ульчского рода был свой узор для сукдухе. Размер сукдухе примерно был одинаковым: 30—40 см высотой, 5—7 см шириной и 1—2 см толщиной. Н.Н. Дявгада считает, что изображение подставки для карандашей, опубликованное в хорошо известной книге «Краски земли Дерсу» скопировано именно с *сукдухе*. Следует добавить, что некоторые ритуалы погребального обряда ульчей — данная подставка, *сукдухе* с сигаретами, ветки в могиле — сходны с погребальными обрядами и связанной с ними атрибутикой народов Восточной Азии. Так, у корейцев при выборе места для могилы в землю втыкали семь веток сливы. Одна из них изображала голову покойного, возле которой в ямке родственники оставляли угощение для души умершего. Здесь же жгли бумагу, специальную траву и лили воду. В пространство между телом и стенками гроба складывали одежду покойного. В комплекс поминального алтаря входил ящичек с одеждой покойного, в который вставляли трубку для угощения души табаком. Кроме того, душу угощали пищей. Через три года ящичек заменяли поминальной дощечкой высотой 30 см, шириной 7 см и толщиной 2 см. Эта дощечка считалась местительством души умершего, для чего в боках проделывали отверстия. Дощечку красили в черный цвет и белой краской писали имя

умершего предка. Поминки устраивали на следующий день, затем через каждые десять дней, в полнолуние на протяжении двух-трех лет и обязательно в день рождения умершего. К этому дню поминок готовились заранее, приготавливали много пищи. Жертвенный столик ставили у северной стены дома, куда помещали и ящичек с табличкой. Поминки продолжались и на могиле. Считалось, что душа покойного вкушала запахи от еды и благовоний, поднимающиеся вверх. Табличку хранили четыре поколения и затем зарывали в могилу (Ионова, 1973, с. 85—88). Этимология слова *сугдуге* — *сукдуге* — *сукдугу* показывает, что ряд однокоренных слов *сугдэ, сугдэчэ, согдо, сугдитчи, сугдун, сукдугэн* у тунгусо-маньчжурских народов Амура — негидальцев, удэгейцев, ульчей, уйльта, нанайцев, означает жертвоприношение; пар; поставить пищу, жертву перед покойником; подниматься пару от пищи. У маньчжуров термины *сукдугэн, сукдунга, сукдунги, сукдингэ ба* означают «поднимающийся вверх пар от пищи, принимаемый духами; юго-западный угол дома, где ставились родственниками таблички с именами умерших предков» (Сравнительный словарь... 1977, с. 118). Таким образом, можно отметить определенную общность атрибутики и погребальных ритуалов у ульчей, нанайцев и корейцев.

Погребальная атрибутика ульчей оказала заметное влияние на некоторые территориальные группы нивхов, проживающих в основном в Амурском лимане и даже переселившихся на Сахалин. Так, некоторые детали нивхского надмогильного домика *раф* в с. *Уанди* — ажурная резная палочка напоминает по внешнему виду ульчские *сукдуге* (Прокофьев, 1986, с. 41; Шубин, Косухина, Прокофьев, 1984, с. 17). Несколько напоминает ульчские *сукдуге* и айнская надгробная скульптура (Жеребцов, 1984, с. 58, 101, 103).

Некрасовские нивхи в настоящее время соблюдают много запретов при похоронных обрядах. Так, в дом покойного нужно обязательно принести что-нибудь из продуктов, иначе кто-нибудь сильно заболит. В традиционной культуре нивхов спрашивать о том, какой смертью умер человек, считалось большим грехом. Считалось большим грехом отдавать в этот дом одолженную ранее пустую посуду — внутрь нужно положить небольшое угощение. Нельзя было препятствовать присутствию на похоронах человека, с которым покойный был в плохих отношениях. На похороны обязательно должны приезжать родственники и друзья даже с материка (Березницкий, № 416, л. 521—563). Если кто-нибудь не приезжал, то считалось, что погребальный костер не загорится. Когда выносят из дома гроб с покойником, которому больше 60 лет, говорят: «Ты уходишь в загробный мир *млы во*. Так что оставь своим детям свое счастье и здоровье». При каждом слове приподнимают гроб за изголовье: 4 раза у женщин и 3 — у мужчин. На кладбище гроб обносят вокруг костра против часовой стрелки.

По верованиям нивхов п. Катангли, раньше нивхи по-разному сжигали мужчин и женщин. Нивхинка В.Н. Сачгун наблюдала в 1955 г. в Чир-Унвде сожжение мальчика. Его без гроба положили на костер, ноги согнули в коленях и сверху закрыли длинной палаткой. На костер положили четыре рубашки. При сожжении женщины клали шесть рубашек. Мужской погребальный костер поджигают одновременно четыре человека, женский — шесть. Поджигают при помощи стружек и спичек. При этом все внимательно следят, как разгорается костер. Если покойник на кого-то из поджигающих имел зло, то у него спички не загорятся. Рядом с кострищем забивают в землю четыре колышка и между ними насыпают горкой пепел от трупа. На могилу сажают дерево (Березницкий, № 416, л. 319—329). Костер поджигают только с восточной

стороны. Специально назначенный мужчина (не родственник) деревянной лопаточкой отделяет кусок печени и легкого при сжигании трупа. Эти куски потом вместе с пеплом закапывают в землю на месте костра. Часть пепла помещают в деревянную куколку *кхак*, для которой изготавливали из досок погребальный домик. У нивхов, живущих на севере Сахалина, домик называется *раф тыф* или *кхак рывф*, у поронайских нивхов *то раф*. Домик устанавливали на кострище дверью на запад. Над дверью делают небольшое окошко.

По мнению некрасовских нивхов, среди которых много переселенцев с западного побережья Сахалина, кроме куколки в домик помещали палочку со сквозным отверстием, в которое на поминках вставляли медную курительную трубку. Когда трубки вышли из употребления, то вставляли папиросу или сигарету при поминках даже не курившего при жизни человека или ребенка. Куколка и палочка считаются вместилищем души покойного, которая прилетает на кладбище, когда родственники приходят на поминки. Для каждого поминка делали новую палочку с отверстием. (Подобные ритуалы с палочками в честь предков совершают в наше время японцы в префектуре Аомори (ПМА, 1998). Эти палочки по внешнему виду одинаковые с резными колами *кхарн*, к которым привязывали раньше медведя ремнями из нерпичьей кожи внутри дома на празднике (Березницкий, № 416, л. 521—563).

Рядом с костром на дереве обрубали сучки и вешали собаку. В качестве жертвенной собаки выбирали черного или рыжего кобеля. Вешали и ездовую собаку и охотничью. Выбирали преимущественно собаку черной масти. У разных народов региона и даже разных территориальных групп одного этноса способ убийства жертвенной собаки нередко отличался. Собаку могли убить ударом палки по голове или удушить в петле. Нивхи, у которых жертвоприношение собаки различным духам практиковалось гораздо чаще, при похоронных обрядах нередко убивали собаку палкой. В остальных ритуалах собаку душили. По мнению некоторых ученых, убийство палкой более древний способ жертвоприношения, чем удушение (Крейнович, 1930, с. 52). Известно, что душа убитой собаки должна была сопровождать душу ее хозяина в загробный мир, охранять по дороге от злых духов и служить в дальнейшей жизни. Возможно, для того чтобы освободить душу собаки из ее тела, нужно было раздробить череп. При удушении же собаки тело оставалось неповрежденным.

После того как поронайские нивхи находили утопленника, они совершали жертвоприношение *чух* хозяину реки и говорили: «*Тол ызынг! То! — Хозяин речки! На тебе угощение!*» Хозяина реки угощают для того, чтобы душе утонувшего человека хорошо было в загробном подводном мире. Нивхи Катангли утопленника не сжигали, а хоронили в земле в том же месте, где вытащили из воды. Сразу делали ритуальное блюдо *мось* из ягод и рыбьих кож, кормили духов воды и огня, чтобы душе было хорошо.

В рассказе поронайской нивхинки Ю.С. Ким заметно влияние японской культуры на южную группу нивхов. В 1940-х годах на о-ве Атос умер нивх, которого сожгли в гробу на костре. При изготовлении погребальной одежды из белой материи (халат, шапочка, валенки, тапочки) строго следили за тем, чтобы родственные женщины и девушки обязательно сметывали ее, а не шивали. Всю старую одежду сжигали в костре. Изготавливали отдельные мешочки для крупы, спичек и сахара. Так как покойный был охотником, то возле костра удушали его собаку. В костре и на могиле разбивали новую, специально купленную посуду. Пепел покойного собирали в ящичек, ставили в погребальный домик и держали возле жилища 3 года. Каждый день в домик складывали повседневную пищу — кормили душу покойного. Через три года, в день, когда

японцы организованно поминали своих покойных; подобный ритуал производили и нивхи и ящичек с пеплом выбрасывали в реку.

Поронайская нивхинка Ф.М. Тургун описала погребальный обряд, несколько отличающийся от остальных. Умершего от туберкулеза нивха завернули в покрывало и сожгли на погребальном костре в лесу. Потом пепел собрали в тряпочку и не поместили в куколку или погребальный домик, а положили на чердак. Старик руководитель сделал деревянную куколку, которую обрядили в одежду с орнаментом. Раньше у каждого нивхского рода был свой орнамент. Куколку поставили в небольшое углубление с крышей из палочек в бугре рядом с костром. Туда же поставили деревянное блюдо с угощением для души умершего. Осенью сделали поминки на месте погребального костра. К поминкам готовились заранее и приготовили много ритуальной еды. Специально откормили поминальную собаку, которую задушили. Эти собаки ничем не отличаются от других, кроме того, что их не заставляют работать. Тот же старик, который сжигал покойного, развязал узелок с пеплом и развеял его по ветру — т. е. отпустил душу в загробный мир (Березницкий, № 416, л. 172). Тем самым старик выполнил своеобразно функцию шамана по отправке души умершего в потусторонний мир.

Поронайская нивхинка Т. Камимуро в последний раз видела, как сжигали покойника в 1948 г. На похоронной одежде делали узелки, вышивали нивхским орнаментом погребальный пояс, а все целые вещи прорезали. Покойному положили понемногу всякой пищи для тех, кто умер раньше. Они ждут и знают, когда придет душа с подарками.

В 1955 г. власти уже не разрешали нивхам сжигать покойных. Как исключение отдельные семьи нивхов сжигали своих покойных еще в начале 1960-х годов. Поэтому вплоть до последних лет внешняя погребальная обрядность нивхов мало чем отличалась от славянской. То же самое можно сказать и о поминальной обрядности, хотя ногликские нивхи поминки по всем умершим делают в конце августа по мере поспевания брусники. По представлениям нивхов, последними с кладбища могут уходить только старики. Они опытные, сильные в магических делах и смогут справиться со злыми духами, которые всегда есть на кладбище (Березницкий, № 416, л. 521—563).

В настоящее время в связи с ликвидацией идеологических структур при местных органах власти в отдельных нивхских семьях начинает возрождаться древний обычай кремации умерших. Однако следует подчеркнуть, что, по мнению информантов, не все нивхские роды раньше сжигали своих покойных. К примеру, нивхи, которые жили в с. Ныйва, первыми стали своих покойников закапывать в землю. Нивх А.М. Кавозг связывает такой способ с отсутствием в том месте хороших дров. Для того чтобы сжечь человека полностью, нужно 3—4 нарты хороших дров. Само тело сгорает за 3—4 часа, а печень за 10—12 часов. Не жгли своих покойников нивхи рода *огзан*. По воспоминаниям поронайской нивхинки Н.В. Плорчук, нивх из рода *огзан* перед смертью попросил положить его, как и деда, в гроб и наполовину закопать в землю, чтобы душе было легче отлететь наверх.

Скорее всего, трансформация традиционной культуры отдельных групп нивхов связана не с отсутствием дров для погребального костра, а с этнокультурным влиянием оленеводов. Некоторые группы нивхов жили в непосредственной близости от эвенков и уйльта, и даже сами занимались оленеводством, вследствие чего переняли некоторые аспекты оленеводческой культуры. Известно, что эвенки более других народов Амура и Сахалина подверглись воздействию христианства и раньше остальных перешли к подземному способу захоронения покойных (Березницкий, № 416, л. 364).

Сахалинские эвенки и негидальцы в традиционной манере хоронили своих взрослых покойных на высоких настилах, а умерших детей подвешивали на деревьях. В местности *Улуби* уже в наше время долго висел между сучками лиственницы детский гробик, привязанный к ней оленьими уздечками (Березницкий, № 416, л. 342—361).

На похоронах оленеводы всегда забивали жертвенного оленя *сэвэки*, которого получал каждый человек при рождении. Жертвенного оленя метили особыми метками на ушах и надевали на него особую уздечку. На нем никто не ездил и ничего не возили. После смерти хозяина оленя привязывали особой уздечкой к дереву или столбу, убивали ударом ножа в затылок и разделявали здесь же. Голову, печень, сердце, гортань, внутренности относили в тайгу и вешали на дерево. Этим ритуалом обеспечивали душу покойного оленьим стадом в загробном мире, так как все, что относили в тайгу, превращалось в оленей. В последний раз валовские эвенки хоронили своих сородичей с жертвоприношением оленя в 1978 г. на новом кладбище. На следующий после похорон день голову этого оленя привязали возле могилы на дерево мордой на восток. Кроме жертвоприношения оленя остальной обряд совершали в основном по русскому обычаю. Для покойного собирали погребальную вьючную сумку *унма* с одеждой. В могилу положили красивые оленьи уздечки, предварительно их разрезав. По представлениям эвенков, если положить целую уздечку, то покойник заберет кого-нибудь с собой из родственников. Раньше в гроб старикам клали под правую руку пастушеский посох *тыевун* с крючком на конце для того, чтобы душе покойного было легче добираться в другой мир. Душа цепляется крючком за скалы и за ветки. Подобное представление и ритуал имеются у орочей и удэгейцев.

Оленеводческая кочевая культура уйльта ярко проявляется в их погребальной обрядности. Валовские уйльта раньше говорили про умершего человека *вэдэхопу* — «потеряли при перекочевке». По мнению информантов этой группы уйльта, их предки всегда хоронили взрослых покойных в земле. Умерших маленьких детей заворачивали в белую материю и укладывали на дерево. Закапывать нельзя, иначе их мать больше не сможет рожать детей. Утопленника раньше хоронили не в земле, а в озере. Сейчас хоронят в земле, но на это место все равно не ходят. Шамана мог хоронить только шаман и не на общем кладбище, а отдельно. Все его атрибуты родственники оставляли у себя для будущего шамана из их рода. После смерти старухи три дня сметывали похоронную одежду и обувь. По представлению уйльта, после смерти человека его душа *доро* вылетает из тела. Она находится в доме и вокруг дома — гремит посудой, топает, скрипит, вздыхает, скучает по родственникам и строго следит за тем, чтобы они все правильно сделали. У детей она в этом положении выглядит в виде птички. Поэтому на детском надгробии делают фигурку птички. Раньше ее вырезали из дерева, а теперь делают из жести. Эта фигурка символизирует душу *пана* покойного ребенка. Раньше на могиле уйльта убивали жертвенного оленя. Мясо съедали родственники и участники погребального обряда. В рот покойному наталкивали много костного мозга жертвенного оленя для того, чтобы *пана* питалась по дороге в *буни* и не голодала. Покойному собирали сумку с провизией. Через день после похорон сжигали погребальный костер и по кругу разбрасывали головни. За время от смерти до похорон происходит процесс перехода души *доро* в *пана*. Захоронения уйльта раньше практически ничем не выделялись на местности. Деревянные надгробия в виде направленного в небо копыта падали, и от могилы ничего не остава-

лось. Если посещали это место по каким-либо причинам, то старались говорить тише, чтобы не потревожить *пана* (Березницкий, № 416, л. 370—396).

Анализ погребальных обрядов нанайцев позволяет проследить стойкость некоторых элементов церемонии на протяжении почти трех столетий. Так, в 1997 г. недалеко от с. Мариинское на о-ве Сучу (Щучий) новосибирский археолог В.А. Краменцев раскопал нанайско-ульчское захоронение предположительно XVII—XIX вв. Захоронение находилось наверху 30-метрового откоса и было строго ориентировано по сторонам горизонта — голова покойного приходилась к западу. В могиле было найдено около 20 железных гвоздей, остатки деревянного гроба и бересты, которой был обмотан труп. В районе груди находилось ожерелье из бусин и белое нефритовое кольцо. В ногах обнаружены остатки котла (Березницкий, № 415. Л. 37—49). Известно, что котлы применялись в погребальной обрядности нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев и в нашем столетии. На нары умершего клали камень и иногда накрывали его перевернутым котлом, для того чтобы восстановить «покачнувшийся» после смерти хозяина дом и порядок в нем (Золотарев, 1939, с.150; Смоляк 1980, с. 182). Кроме того, котел входил в обязательный перечень вещей, необходимых покойному в загробном мире в погребальных обрядах других народов Нижнего Амура и Сахалина. У орочей котел с пробитым дном укладывали в гроб так, чтобы он касался ног умершего (Маргаритов, 1888, с. 30).

Остатки чугунного котла были найдены комсомольскими археологами и на старинном нанайском кладбище, находящемся к северо-востоку от с. Нижняя Тамбовка. По их мнению, на территории пионерского лагеря (напротив города Комсомольска-на-Амуре) находится целый ряд нанайских захоронений XIX в. В погребении были обнаружены тела двух мужчин и женщины, завернутые в маньчжурскую ткань и бересту. Сверху на них были положены толстые деревянные плахи. Кроме керамических сосудов в погребении были обнаружены русские царские серебряные рубли и китайские монеты XIX в., медный «побитый» чайник, чайник в форме кофейника, пробитая сковорода, медные кольца. Анализ нанайских погребальных и поминальных обрядов также может дать материал для реконструкции отдельных моментов их этнической истории. Так, в традиционном нанайском обществе сопровождать душу умершего в загробный мир мог только сильный, опытный шаман. К такой категории относилась и нанайская шаманка Гара Кисовна Оненко (по мужу Гейкер). После камлания на больших поминках *каса* она рассказывала, что отводит души умерших в большой город на оз. Ханка (Березницкий, № 416, л. 610).

В традиционной культуре коренных народов Нижнего Амура и Сахалина большое значение имел культ близнецов. Сородичи с почтением относились к близнецам и их матери при жизни и особенно после смерти. Погребальный обряд близнецов и их матери в целом имел общую основу у всех народов региона и отличался от других типов похоронных ритуалов. Близнецов, даже в традиционной культуре нивхов, у которых, как отмечено выше, применялась кремация умерших, погребали в сидячем положении в могиле, в гробу кубической формы полностью, закутав их тела в стружки. Подобным образом похоронили в советское время нивхскую мать близнецов в Чир-Унвде (Березницкий, № 416, л. 323). В п. Кольчем до сих пор сохранилась огромная лиственница, в дупле которой в 1955 г. были похоронены близнецы. Их поместили в дупло, обернув берестой. Дупло заколотили досками, но в начале 1980-х годов они неизвестно куда исчезли. Однако это дерево и место до сих пор считаются ульчами священными (Березницкий, № 416, л. 677).

Таким образом, материалы погребальной и поминальной обрядности коренных народов Нижнего Амура и Сахалина вполне могут служить основанием для выявления этнокультурных взаимовлияний. Так, на традиционную культуру коренного населения региона сильно повлияла культура восточнославянских переселенцев. Некоторое влияние на отдельные элементы погребально-поминальной обрядности народов Южного Сахалина оказала культура японцев. Анализ ульчских похорон 1992 г. показывает, что данный обряд можно назвать ульчско-нивхским. С другой стороны, можно сделать предположение, что поразительное сходство атрибутики и отдельных элементов погребальных обрядов ульчей, нанайцев и корейцев основано на древнем общем пласте их культуры. Возможно, что этот период относится ко времени существования государства Бохай, в этнические общности которого могли входить предки современных народов Амура и Восточной Азии.

1. Березницкий С.В. Этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура // Традиции и современность: Этногр. исслед. 1992, 1995, 1996 гг. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. № 403. 303 л.
2. Березницкий С.В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Традиции и современность. Этнографические исследования 1997 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. № 415. 182 л.
3. Березницкий С.В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Традиции и современность. Этнографические исследования 1998 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. № 416. 711 л.
4. Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. 205 с.
5. Ионова Ю.В. Погребальные обряды корейцев // Культура народов зарубежной Азии. Л., 1973. Т.29. С. 80—94.
6. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888. 56 с.
7. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946—1948 гг.). Южно-Сахалинск. 1988. 142 с.
8. Прокофьев М.М. Материалы к изучению погребальных обрядов нивхов Северного Сахалина (на примере селения Уанди Александровск-Сахалинского района) // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 23—56.
9. Смоляк А.В. Нанайцы: Семейная обрядность народов Сибири (Опыт сравнительного изучения). М., 1980. С. 177—182.
10. Смоляк А.В. Ульчи: Семейная обрядность народов Сибири (Опыт сравнительного изучения). М., 1980. С. 182—187.
11. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л., 1977. Т.2. 992 с.
12. Шубин В.О., Косухина Г.И., Прокофьев М.М. Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея на Северном Сахалине (1978, 1980—1981). Южно-Сахалинск, 1984. 35 с.

СОКРАЩЕНИЯ

ПМА — Полевой материал автора.

SUMMARY. The article by Candidate of Historical Sciences S. Berezniysky «Funeral Rites of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin» is on the problem of ethnic-cultural contacts and ethnic history of these peoples. The description of traditional and modern funeral rites makes possible to show spiritual culture of the aborigines and elucidates ethnic-cultural contacts between them, — states the author. Describing the details of burials, Berezniysky depicts ethnic cultural interactions of different peoples of the Far East of Russia.